

НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Дым валит из окон крайних хат и густым черным столбом поднимается к зимнему нахмуренному небу. Пламя, блеснув в стеклах, вырвалось через трубу и факелом осветило улицу. Затем клубы дыма показались в другом конце села, а через несколько минут по многим соломенным крышам трещал и бежал жемто-красный огонь, то поднимаясь толстым языком, то припадая к соломе, шарил по ней, пылая искрами и вновь властно врался к небу. С разных сторон неожиданно и грозно возникали яркие огненные очаги. Горело большое красивое село — Кренинка.

Немецкие автоматчики ходили по хатам, срывали с постели одеяла, подушки, обтащив их кресло, пожимали и спокойно выходили на улицу. Они стояли молча, с любопытством наблюдали, как маленькие, вшивые струйки огня, точно змеи, ползали по стенам хат и соединялись в грозное гудящее пламя.

Немцы ходили по Кренинке, били прикладами в ставни, двери, стекла, таскали солому и, казалось, никак не могли насытиться огнем. А пожар все рос. Черной шапкой дыма было покрыто все село, и буйное пламя разгуляло по хатам от края до края, пожирая все, что попадалось на пути. И никто не бил в набат, в чужую доску, никто не кричал, вывая о помощи, и только старые сельские псы, поджав хвосты, выли, задрав морды вверх.

Высокая гора, вставшая перед селом, как крепость, глубокие донские овраги и заснеженный лесок, покрытый руинами пожара, денегали в молчании. В селе было тихо. Всех жителей еще утром без вещей, без пожитков испуганной толпой угнали в далекую балку. Оттуда видно было лишь большое зарево над любимой Кренинкой да слышен был запах гаря.

Не ушли из села только старики Иван Гордеевич Лужкин и его жена Алена Михайловна. Еще в первый день прихода немцев они заперли язык на замок. Молча встретили они солдат с пулеметами и танками, молча глядели на грабеж, начавшийся сразу же по приходе германцев. Не заикнулись даже в момент, когда по их двору ходил офицер в засаленной шинели и испуганному картаным языком приказывал свезти кабана, изловить гусей и вывезти корову. Солдаты бежали по двору, кабан ревел, гуси кричали, поднимали свои рыжие крылья, как паруса, и детали из угла в угол.

У Лужкиных взяли все. Унесли только два гуса, спрятавшихся Аленой Михайловной в стого соломы в момент напряженной борьбы германской армии с кабанами.

Взаяв все и у соседей. Из дворов Кренинки выгоняли на улицу овец, коров, телят, выходящих кур, гусей, лошадей. Были их длинными, как у циркачей, кнутами, кричали на оторопевших жителей:

— Рус, давай!

Люди стояли молча и глядели на призывов, грабеж среди себя дня, прислушивались к противным гортынным немецким гогосам. Было жалко гусей и коров, но не только это. Было что-то глубоко унижающее и оскорбительное в поведении солдат.

— Будто отняли честь, — сказал Иван Гордеевич.

Немцы не только отняли честь, но и надругались над ней, оскорбили женщин, опозорили девушек и, пьяные, с автоматами в руках бежали по селу и кричали:

— Рус, давай!

Так шли дни. Иван Гордеевич ходил по дворам и аккуратно записывал в свою потерю от времени книжку все, что награбили немцы. Здесь были и гуси, которыми славилось село, и петухи, лошади, коровы, сундуки с добром, нажитым годами, сапоги и даже бабы юбки.

— Все получим сполна, — рассуждал он. А немцы продолжали беспеременно и длинно отбирать у селян полушубки, валенки, шапки, детские шапки.

Затем раскаты артиллерийской канонады стали слышней. Фронт приближался. Офицеры злились и нервничали. Расстреляли двух партизан и бросили их в колодезь. Увели случаи недолечившихся в госпиталях бойцы покидали свои койки, являлись в части, просясь дать им оружие и возможность участвовать в наступлении. Раненые не уходили с поля боя. Подчас требовался категорический приказ командира, чтобы заставить раненого бойца встать на пункт первой помощи.

Наступление частей, начатое на нашем фронте месяц назад, продолжает развиваться. Теперь политические органы фронта должны выбрать из всего арсенала агитации и пропаганды именно те методы, которые лучше будут содействовать развитию наступления, увеличат наступательный порыв наших частей, помогут войскам преодолевать трудности зимних переходов, неуклонно преследовать врага по пятам, гром и уничтожать его.

Сейчас мы почти отказались от лекций и докладов, которые трудно организовать и провести в условиях наступательных маршей и короткого отдыха. Наоборот, расширена, введена в повседневную практику постановка коротких живых бесед о героях наступления и в особенности рассказов непосредственных участников последних дней нашего наступления. Основной темой нашей агитации служит живой приказ. Страна беседует, агитатор насыщает примерами из жизни своей части, рассказывает о подвигах героев последних боев. Тут же выступают и сами герои с рассказами о своем опыте.

Так, например, в одной из частей большевиком пользуются беседы старшего артиллера тов. Сугенчалкина о том, как его батарея в упор расстреляла 6 вражеских танков. С интересом слушается рассказ санитарюктра тов. Хроп о том, как он полоним противника вынес с поля боя 15 раненых с их оружием. Популярней доклад бойца уланов об успехах Красной Армии на Южном фронте и о высокой поздравке, которую отменил товарищ Сталин героев Ростова.

Все это еще выше подняло боевой дух наших частей, подготовило их к наступлению. И когда наши войска форсировали Волгу и прорвали два мощных пояса вражеской обороны, наступательный порыв начал увеличиваться со все возрастающей силой. Боевой дух был так высок, что в ряде случаев недолечившиеся в госпиталях бойцы покидали свои койки, являлись в части, просясь дать им оружие и возможность участвовать в наступлении. Раненые не уходили с поля боя. Подчас требовался категорический приказ командира, чтобы заставить раненого бойца встать на пункт первой помощи.

Южный фронт.

В ОСВОБОЖДЕННОМ КАМЫШ-БУРУНЕ

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ, 7 января. (По телеграфу).

В числе других населенных пунктов войска Красной Армии и части морской пехоты освободили от фашистских оккупантов на Керченском полуострове рабочий поселок Камыш-Бурун.

Когда наши бойцы и командиры вступили в поселок, на улицах не было ни души. Полуразрушенные дома, сожженные общественные здания, мертвая тишина.

И вдруг раздался звонкий детский голос: — Мама, наши пришли! — На улице выбежал мальчик и бросился в объятия первому же красноармейцу. Весел за ним из подъездов, из шедей стали выходить измученные, исхудавшие, оборванные люди — женщины, дети, старики. Расторопные, восторженными криками оглашали улицы поселка. Окружив бойцов и командиров, жители поселка наперебой рассказывали о страшных днях фашистского гнета.

Немцы хозяйничали в Камыш-Буруне 42 дня. Много горя испытало население поселка. В первые же дни фашисты отобрали у жителей все продукты, одежду, скот, птицу — все, что попало под руку. Немцы издали приказ, в котором говорилось, что за несдачу продуктов питания жители поселка будут расстреляны. И расстреливались!

Перед рождественскими днями немецкие офицеры устроили саку. Для украшения ее у населения отобраны всю вату, детские игрушки, свечи. На саку насильно затанцевали всех девушек и молодых женщин поселка и там зверски издевались над ними.

Коллективный корреспондент «Правды» — редакция красноармейской газеты «Боец РККА».

Танковый экипаж братьев Пухолевич

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 7 января.

(Спец. воен. корр. «Правды»). Танковый экипаж трех братьев Пухолевич не раз прославился в сражениях с врагом. В один из последних боев он гусеницами своего танка разорвал до взвода пехоты противника.

После успешного завершения боя три брата полагая заветления с просьбой пригнать их в ряды ВЛКСМ(б).

Южный фронт.

— Не плачь, не плачь... Ускорив шаг, старики пошли навстречу разведчикам и потом остановились. Бойцы приближались. Иван Гордеевич держал полное на вытнутых руках. Легкий ветерок шелестил его борозы и трепал концы сафетки, на которой карандашом кривыми печатными буквами крупно было написано: «Бойцам Красной Армии от Лужкиных И. Г. и А. М.».

Алена Михайловна концом платка вытерла слезы.

— Не плачь, Алена, не плачь.

Красное зимнее солнце вылезало из-за кургана, и первые розовые блики упали на снег в степи. Бойцы уже были рядом. Тогда Иван Гордеевич набрал в себя воздух и во весь голос крикнул:

— Восстановителям нашей чести!

Он передал полное жене и крепко поцеловал красноармейца.

— Не плачь, Иван Гордеевич! — сказала жена.

И впервые в жизни обычное красное солнышко показалось им знаменем, солнцем счастья.

М. МЕРЖАНОВ.

Южный фронт.

ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Они стоят плечо к плечу под названием дыбы. Их двенадцать. Брутом снег, запорошенные овраги. Суровая русская зима. На их смуглый лица тяжелым взглядом морской пехоты ослепили от фашистских оккупантов на Керченском полуострове рабочий поселок Камыш-Бурун.

Солдаты в пилотках и сапогах с широким раструбом голенищ. За такое голенище можно упрячь отрез материи, десерт вареных яиц, кусочку сала, детские свистальчики. Но сейчас за голенище пробурдас мороз, и солдаты притаиваются, шепкая кабулками.

— Кто здесь Фриш?

Четверо из двенадцати углодно, наперебой отвечают:

— Их бин Фриш. Их — Фриш. Фриш!

Они смотрят спрашивающему в рот, похотливо поглядывая вперед. Они многократно, почти нежно, голос кроток, как у голубки.

— Немцы зверства, виселицы, ограбление населения, насилия, жестокости и мстительные, они об этом ничего не знают. Очень жаль, конечно, но они не могут привести никаких свидетельских показаний.

Свидетельских? А что сами творили эти военнопленные овецки, посланные на Восточный фронт с огнем и мечом? Нет, нет, они вели себя, как агнцы, это творили не они, а другие.

Разве вот этот гитлеровский мальчик может кого-нибудь обмануть? У него еще только пробился первый пушок на обветренной лысистой верхней губе. А вот этот бурш с морщинистыми щеками, в никелевых очках, он весь попал в эту страшную Россию со студентической сумкой. Корпорант, юрист. Разве он, законник, посягнет на священное право чьей-либо собственности? Или этот, с еврейскими нашивками на рукаве и болталкой на носу. Разве может причинить зло людям тихий и смелый мальчик, испуганно озвучивший по сторонам? Или вот еще мертвецко бледный, со вливыми щеками, со свистящими ушками котелком и серебряным перстеньком на безымянном пальце. Он — парикмахер, коммивояжер, танцмейстер. И он убийца!

Но на бурше — наши русские сапоги. Откуда они?

Откуда у хлюпка с еврейской нашивкой женские фильдерперсовые чулки и платок оренбургской шерсти, которыми он повязал свою толую шею? А эти красные, с меховой опушкой туфельки?

— Ах, эти? Туфельки... Туфельки, видите ли, подарил еврейтору одна хорошая русская девушка... «На память».

Памяти у них не только туфли, но и золотые кольца, женские грелочки, младенческие соски, школьные тетради, береты, бюстгалтеры.

Западный фронт.

Сегодня Советское Информбюро публикует акт о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских мерзавцев в деревне Высоково, Русского района, Московской области. На снимке (справа) — замученные и расстрелянные мирные жители деревни Высоково, на снимке (слева) — кими оккупанты матери и бабушки.

Сегодня Советское Информбюро публикует акт о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских мерзавцев в деревне Высоково, Русского района, Московской области. На снимке (справа) — замученные и расстрелянные мирные жители деревни Высоково, на снимке (слева) — кими оккупанты матери и бабушки.

Нет, нет, они ничего не слышали о злодеяниях немецких солдат и офицеров. Но на пути их ссазования и стоянок по Александрию, Тарусскому, Высокинского, Тарусскому, Тарусскому, Тарусскому трамам — кровь, слезы, виселицы, руины.

«...И стала просить их, чтобы они оставили мой домик, показала на своих двух малых детей, которые спали в кровати, — рассказывала нашим бойцам жительница г. Алексина Е. Е. Новикова, — просила, чтобы они пожалели детей. Но в ответ на это фашистские звери бросили в детей зажигательными бутылками. Дом погорел, а меня избили и выбросили на улицу. Детей мне с трудом удалось спасти из пламени...»

Эти овецки забирали с собой все, что попадалось на глаза. Когда они улетывали, то легковые машины везли на буксире даже детские коляски.

«У меня из жизни остались лишь кот да собака», — сказала своим избителем колхозник деревни Бундырево В. Д. Морозов. В деревне Алтухово немцы расстреляли 80-летнего старика Якова Степановича Соловьева только за то, что он попытался лечь отдохнуть на печку в своей же избе. В деревне Исаково они похотливо колхозников Лавришину и Радилову. В деревне Ларно изнасиловали пять женщин и зверски их замучили.

У жителей села Сонопенки Аграфиды Борхоткиной умерла старуха-мать. И когда покойница лежала на столе, оккупанты вытаскивали из-под мертвой пятки метров материи. Они смеялись при этом, говорили, что вообще «своих русских будет казну».

В деревне Руднево они замучили 13 красноармейцев. Вырезали им языки, отрезали уши, носы, выкололи глаза. В деревне Кшишто заживо сожгли 14 красноармейцев.

Они жгли наших советских людей, вешали, поролы, гоняли босиком по снегу, пытали раскаленными прутьями, тесками, тупыми и ржавыми ножами. Они сжигали дома, выгоняли ночью всю семью на улицу, если ребенок ненароком заплачет со сна.

Но те, что попались к нам в плен, — вот эти, что под шарсом, и те вшивые, что в караулке радиятуют примитивными пальцами свою зудящую кожу, и вот эти спные от холода, которых везут на грузовиках, — все они наивно отрицают свои злодеяния. Им очень холодно, этому зверью в каленке. У них есть похотные молитвенники: о чем на фронте просить небо утром, за что благодарить бога и «фюрера» в конце прожитого дня, на что уповать к ночи. Они отлично знают, о чем надо говорить и о чем умолчать в плену.

Л. МИТНИЦКИЙ.

Западный фронт.

— Рус, давай!

Люди стояли молча и глядели на призывов, грабеж среди себя дня, прислушивались к противным гортынным немецким гогосам. Было жалко гусей и коров, но не только это. Было что-то глубоко унижающее и оскорбительное в поведении солдат.

— Будто отняли честь, — сказал Иван Гордеевич.

Немцы не только отняли честь, но и надругались над ней, оскорбили женщин, опозорили девушек и, пьяные, с автоматами в руках бежали по селу и кричали:

— Рус, давай!

Так шли дни. Иван Гордеевич ходил по дворам и аккуратно записывал в свою потерю от времени книжку все, что награбили немцы. Здесь были и гуси, которыми славилось село, и петухи, лошади, коровы, сундуки с добром, нажитым годами, сапоги и даже бабы юбки.

— Все получим сполна, — рассуждал он. А немцы продолжали беспеременно и длинно отбирать у селян полушубки, валенки, шапки, детские шапки.

Затем раскаты артиллерийской канонады стали слышней. Фронт приближался. Офицеры злились и нервничали. Расстреляли двух партизан и бросили их в колодезь. Увели случаи недолечившихся в госпиталях бойцы покидали свои койки, являлись в части, просясь дать им оружие и возможность участвовать в наступлении. Раненые не уходили с поля боя. Подчас требовался категорический приказ командира, чтобы заставить раненого бойца встать на пункт первой помощи.

Наступление частей, начатое на нашем фронте месяц назад, продолжает развиваться. Теперь политические органы фронта должны выбрать из всего арсенала агитации и пропаганды именно те методы, которые лучше будут содействовать развитию наступления, увеличат наступательный порыв наших частей, помогут войскам преодолевать трудности зимних переходов, неуклонно преследовать врага по пятам, гром и уничтожать его.

Сейчас мы почти отказались от лекций и докладов, которые трудно организовать и провести в условиях наступательных маршей и короткого отдыха. Наоборот, расширена, введена в повседневную практику постановка коротких живых бесед о героях наступления и в особенности рассказов непосредственных участников последних дней нашего наступления. Основной темой нашей агитации служит живой приказ. Страна беседует, агитатор насыщает примерами из жизни своей части, рассказывает о подвигах героев последних боев. Тут же выступают и сами герои с рассказами о своем опыте.

Так, например, в одной из частей большевиком пользуются беседы старшего артиллера тов. Сугенчалкина о том, как его батарея в упор расстреляла 6 вражеских танков. С интересом слушается рассказ санитарюктра тов. Хроп о том, как он полоним противника вынес с поля боя 15 раненых с их оружием. Популярней доклад бойца уланов об успехах Красной Армии на Южном фронте и о высокой поздравке, которую отменил товарищ Сталин героев Ростова.

Все это еще выше подняло боевой дух наших частей, подготовило их к наступлению. И когда наши войска форсировали Волгу и прорвали два мощных пояса вражеской обороны, наступательный порыв начал увеличиваться со все возрастающей силой. Боевой дух был так высок, что в ряде случаев недолечившиеся в госпиталях бойцы покидали свои койки, являлись в части, просясь дать им оружие и возможность участвовать в наступлении. Раненые не уходили с поля боя. Подчас требовался категорический приказ командира, чтобы заставить раненого бойца встать на пункт первой помощи.

Наступление частей, начатое на нашем фронте месяц назад, продолжает развиваться. Теперь политические органы фронта должны выбрать из всего арсенала агитации и пропаганды именно те методы, которые лучше будут содействовать развитию наступления, увеличат наступательный порыв наших частей, помогут войскам преодолевать трудности зимних переходов, неуклонно преследовать врага по пятам, гром и уничтожать его.

Сейчас мы почти отказались от лекций и докладов, которые трудно организовать и провести в условиях наступательных маршей и короткого отдыха. Наоборот, расширена, введена в повседневную практику постановка коротких живых бесед о героях наступления и в особенности рассказов непосредственных участников последних дней нашего наступления. Основной темой нашей агитации служит живой приказ. Страна беседует, агитатор насыщает примерами из жизни своей части, рассказывает о подвигах героев последних боев. Тут же выступают и сами герои с рассказами о своем опыте.

Так, например, в одной из частей большевиком пользуются беседы старшего артиллера тов. Сугенчалкина о том, как его батарея в упор расстреляла 6 вражеских танков. С интересом слушается рассказ санитарюктра тов. Хроп о том, как он полоним противника вынес с поля боя 15 раненых с их оружием. Популярней доклад бойца уланов об успехах Красной Армии на Южном фронте и о высокой поздравке, которую отменил товарищ Сталин героев Ростова.

Все это еще выше подняло боевой дух наших частей, подготовило их к наступлению. И когда наши войска форсировали Волгу и прорвали два мощных пояса вражеской обороны, наступательный порыв начал увеличиваться со все возрастающей силой. Боевой дух был так высок, что в ряде случаев недолечившиеся в госпиталях бойцы покидали свои койки, являлись в части, просясь дать им оружие и возможность участвовать в наступлении. Раненые не уходили с поля боя. Подчас требовался категорический приказ командира, чтобы заставить раненого бойца встать на пункт первой помощи.

Наступление частей, начатое на нашем фронте месяц назад, продолжает развиваться. Теперь политические органы фронта должны выбрать из всего арсенала агитации и пропаганды именно те методы, которые лучше будут содействовать развитию наступления, увеличат наступательный порыв наших частей, помогут войскам преодолевать трудности зимних переходов, неуклонно преследовать врага по пятам, гром и уничтожать его.

Сейчас мы почти отказались от лекций и докладов, которые трудно организовать и провести в условиях наступательных маршей и короткого отдыха. Наоборот, расширена, введена в повседневную практику постановка коротких живых бесед о героях наступления и в особенности рассказов непосредственных участников последних дней нашего наступления. Основной темой нашей агитации служит живой приказ. Страна беседует, агитатор насыщает примерами из жизни своей части, рассказывает о подвигах героев последних боев. Тут же выступают и сами герои с рассказами о своем опыте.

Так, например, в одной из частей большевиком пользуются беседы старшего артиллера тов. Сугенчалкина о том, как его батарея в упор расстреляла 6 вражеских танков. С интересом слушается рассказ санитарюктра тов. Хроп о том, как он полоним противника вынес с поля боя 15 раненых с их оружием. Популярней доклад бойца уланов об успехах Красной Армии на Южном фронте и о высокой поздравке, которую отменил товарищ Сталин героев Ростова.

Южный фронт.

ХУЖЕ ЗВЕРЕЙ!

В плену немцы превращаются на еду. Впрочем, теперь, когда их приводят в не топлениую яму, они сначала спешат от греться. Отогравшись, жрут жално. На то, в зависимости от чина и от характера, они начинают либо бесить, либо плакать.

Эти кровавые псы творят неслыханные зверства над ранеными и пленными красноармейцами и командирами. Неподает в плен к немцам — хуже смерти!

Когда слышишь рассказы партизан, читаешь скучные показания очевидцев, вырвавшихся из немецкого лаза, страшные картины проходят перед тобой.

«Маленькая деревня. У крайней на селу страшно кладбище — прямо на селу семнадцати трунов. Это расстрелянные красноармейцы. Они свалены в кучу, из бровина, а поверх этого ужасного штабеля, запрокинув седую голову, лежит человек в штатском — тот, кто пути бойцов похотевал. Смотрите, русские люди, смотрите, теперь вы видите, что пришли немцы!»

«Мешков. На дороге немцы колым штыками раздетого догола человека. И уже не шевелится, он мртва, но они ерм колют, еще терзают безжизненное тело. Кто это? Это красноармейцы».

«Брасловское. На холме возле деревни — 29 раздетых трунов. Очень много крови на снегу, а у мертвых ни одной страшной ранки. Только следы пожеванных ударов, нанесенных руками опытных убийц — точно в затылок, точно под левую лопатку. Здесь была даже не казнь, здесь была резня. Кто это? Это красноармейцы и командиры. Их убили фашистские мерзавцы».

«В деревне Яльница расстреляны немцами пять командиров. В деревне Бабыно немцы поставили у стого шестьдесят красноармейцев, подожили его. Среди пленных были две девушки-санитарки. Когда заживо сгорающие люди стали метаться, попыткам бежать от огня, — немцы перестреляли их...»

«Хватит! Хотелся закрыть глаза, заткнуть уши, чтобы не слышать рассказов об этом, чтобы не видеть скупых строчек доселейши и писем».

«Но нет! Тысячу раз нет! Глаза должны быть открыты! Мы должны знать это, чтобы великая нехватка еще сильнее жгла наши сердца, чтобы священная мечь вела нас на истребление всех бесчеловечных зверей-немцев».

М. СЛОВОДСКОЙ.

Западный фронт.

КРОВАВЫЙ РАЗГУЛ НЕМЦЕВ В ОККУПИРОВАННЫХ ГОРОДАХ УКРАИНЫ

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 7 января.

(Спец. воен. корр. «Правды»). Советские люди, вырвавшиеся из фашистского огула, рассказывают о жутких сценах, свидетелями которых они были в Харькове, Сумах, Чернигове и в других некогда цветущих городах.

Она из средних школ города Сумы немцами превращена в концентрационный лагерь. Тула загоняют всех, вызывающих малейшее подозрение в сочувствии советской власти, — мужчины и женщины вместе с детьми. «Неблагонадежных» оказалось так много, что ими забит даже двор школы! В холодную зимнюю погоду люди валяются под открытым небом без пищи.

Жителям, поселившимся в Харькове после 1935 года, немцы предлагали покинуть пределы города «свободу от отсутствия продовольственных ресурсов». Партизаны взорвали мост у Холодной горы. Немцы немедленно повесили 170 заложников. В одном из домов по Пушкинской улице взорвалась бомба в квартире, где поселились офицеры штаба. Фашисты повесили в каждом балконе дома по два жильца. В день Великой Октябрьской годовщины фашисты демонстративно повели на расстрел по улицам города 40 народных ополченцев.

Г. ГРИГОРЕНКО.

Вот в эти-то тяжелые минуты и показавшая всю свою действительность устная индивидуальная агитация, хорошо организованная в части комиссаром Митрохиным. На коротких привалах, в перекурах между двумя атаками, сам тов. Митрохинов, политруки, коммунисты, комсомольцы по душам толковали с бойцами, шуток подбавляли уставших, рассказывали бойцам об ответственности и важности героической рейдом. И страшно усталые люди, подтерпевшие, вдохновенные простым и доходящим большевиком словом, преодолевали усталость и голод, бесстрашно бросались в новые бои и ожесточенно уничтожали врагов.

Часть Парькова в труднейших условиях окружения, в глубоком вражеском тылу хорошо выполняла поставленную перед ней задачу и с очень малыми потерями соединилась с донскими частями, подошедшими по ее следам нашими частями. Во всем этом немалую роль сыграли политработники части, ее коммунисты и комсомольцы, умело действовавшие большевиком оружием индивидуальной агитации.

Наша часть продолжает наступать. Дедо чести всех политических работников армий, всех армейских коммунистов и комсомольцев — большевиком, ставшим личным отцом, мужеством и героизмом поднимать и растить боевой наступательный порыв наших частей.

Калининский фронт. (По телеграфу).

Калининский фронт.

Вот в эти-то тяжелые минуты и показавшая всю свою действительность устная индивидуальная агитация, хорошо организованная в части комиссаром Митрохиным. На коротких привалах, в перекурах между двумя атаками, сам тов. Митрохинов, политруки, коммунисты, комсомольцы по душам толковали с бойцами, шуток подбавляли уставших, рассказывали бойцам об ответственности и важности героической рейдом. И страшно усталые люди, подтерпевшие, вдохновенные простым и доходящим большевиком словом, преодолевали усталость и голод, бесстрашно бросались в новые бои и ожесточенно уничтожали врагов.

Часть Парькова в труднейших условиях окружения, в глубоком вражеском тылу хорошо выполняла поставленную перед ней задачу и с очень малыми потерями соединилась с донскими частями, подошедшими по ее следам нашими частями. Во всем этом немалую роль сыграли политработники части, ее коммунисты и комсомольцы, умело действовавшие большевиком оружием индивидуальной агитации.

Наша часть продолжает наступать. Дедо чести всех политических работников армий, всех армейских коммунистов и комсомольцев — большевиком, ставшим личным отцом, мужеством и героизмом поднимать и растить боевой наступательный порыв наших частей.

Калининский фронт. (По телеграфу).

Вот в эти-то тяжелые минуты и показавшая всю свою действительность устная индивидуальная агитация, хорошо организованная в части комиссаром Митрохиным. На коротких привалах, в перекурах между двумя атаками, сам тов. Митрохинов, политруки, коммунисты, комсомольцы по душам толковали с бойцами, шуток подбавляли уставших, рассказывали бойцам об ответственности и важности героической рейдом. И страшно усталые люди, подтерпевшие, вдохновенные простым и доходящим большевиком словом, преодолевали усталость и голод, бесстрашно бросались в новые бои и ожесточенно уничтожали врагов.

Часть Парькова в труднейших условиях окружения, в глубоком вражеском тылу хорошо выполняла поставленную перед ней задачу и с очень малыми потерями соединилась с донскими частями, подошедшими по ее следам нашими частями. Во всем этом немалую роль сыграли политработники части, ее коммунисты и комсомольцы, умело действовавшие большевиком оружием индивидуальной агитации.

Наша часть продолжает наступать. Дедо чести всех политических работников армий, всех армейских коммунистов и комсомольцев — большевиком, ставшим личным отцом, мужеством и героизмом поднимать и растить боевой наступательный порыв наших частей.</